

Н. А. Лукьянова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

lukjanova@bk.ru

ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА РАЗГОВОРНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рассматриваются две стороны экспрессивности как категории лексической семантики (семасиологии и ономазиологии) – семантическая и прагматическая. Такое двуединство семантики и прагматики экспрессивных лексических единиц дает основание определить экспрессивность лексики как семантико-функциональную (или функционально-семантическую) категорию. Обсуждаются дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии, выделяются семантические основания экспрессивности лексических единиц, уточняются формулировки терминов, которые используются при описании «экспрессивных» объектов. Интенсивность, эмотивность и эмотивная оценка относятся к коннотативной части лексического значения слов. Выделяются формальные и неформальные признаки экспрессивности. Образность рассматривается как самостоятельный, целостный, неделимый компонент лексического значения, равно связанный как с коннотативным, так и с денотативно-сигнификативным содержанием экспрессивной лексической единицы. Предлагаются критерии разграничения экспрессивных и номинативных образных слов.

Ключевые слова: лексика, экспрессивность, номинативность, образность, интенсивность, оценка, экспрессивная лексическая единица, экспрессивное лексическое значение, экспрессивный лексический фонд, экспрессивная подсистема языка, экспрессивный контекст, экспрессивный дискурс, экспрессивная функция, стилистическая маркированность.

Введение

Проблемы экспрессивности лексики стали предметом изучения на кафедре общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета в 60-е гг. прошлого века. Начинала их разработку Майя Ивановна Черемисина со своими коллегами и учениками. Их объектом исследований была метафорическая лексика, преимущественно зооморфизмы, русского и других европейских языков, а также тюркских [Черемисина, 1972, 1979; Черемисина, Гутман, 1969, 1970, 1972, 1974, 1975, 1976, 1977; Черемисина, Гутман, Литвин, 1974; Черемисина, Захарова, 1973; Черемисина, Литвин, 1974; Черемисина, Лукьянова, 1986; Черемисина, Рыжкина, 1977; Черемисина, Соппа, 1973]. После защиты кандидатской диссертации в 1967 г. подключилась к этой тематике и я,

и первым моим опытом в этой области стало изучение слов с метафорическим значением ‘большое неопределенное количество однородных предметов, явлений’, которые я назвала «образами множества». Постепенно расширился круг вовлеченных в анализ экспрессивных единиц, определились теоретические аспекты, легшие в основу концепции экспрессивности как лексико-семантической категории [Лукьянова, 1986]. В лингвистике существуют такие языковые феномены, которые чем глубже изучаются исследователями, тем больше остается и вновь возникает немало неясного, спорного в понимании их сущности. Экспрессивность относится к одному из таких феноменов. Через призму некоторых обозначенных далее дискуссионных моментов (частично они представлены в: [Лукьянова, 2009]) в данной статье вносятся некоторые коррективы,

дополнения, уточнения к пониманию этой категории, ее связей с другими категориями, в которых отражается субъективный взгляд носителей языка на мир, на отношения между людьми в обществе, а также выстраивается понятийно-терминологическая система описания экспрессивной лексики, функционирующей в разговорных стратах современного русского языка – литературно-разговорной, просторечной и диалектной. Поскольку эти страты объединяются общим признаком *разговорная*, то экспрессивные единицы этих страт мы объединяем определением *разговорного употребления*. Используя современную терминологию, их можно назвать и единицами *разговорного дискурса* (определение этого термина дано ниже).

Экспрессивные лексические единицы (далее – ЭЛЕ) функционируют в разных стилевых сферах русского литературного языка и социальных стратах (или средах) – от различных жанров языка художественной литературы, публицистического стиля, речевых жанров СМИ, литературно-разговорной речи до сугубо периферийных социальных сред типа внелитературного просторечия, территориальных диалектов (русских народных говоров), жаргонов, аргос, сленга. Экспрессивность может рассматриваться как общеязыковая категория и как частная категория – применительно к единицам определенного уровня языка: лексическая, фразеологическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая. Если выйти за рамки собственно системного подхода, в область функционирования языка, то естественно расширятся и границы частных категорий экспрессивности. Например, Б. Тошович к *уровневой экспрессивности* относит: графическую, лексическую, фразеологическую, фонетико-фонологическую (ее средствами являются различные «фонетические фигуры»: ассонанс, аллитерация, анафора, эпифора, анкопа и т. д.), словообразовательную, грамматическую (включающую морфологическую и синтаксическую), текстуальную [Тошович, 2006. С. 41–42]. В данной классификации представлена экспрессивность как собственно языковая, так и речевая (стилистическая и текстовая). Экспрессивность интерпретируется в стилистическом, семантическом, прагматическом (функциональном), лингвокультурологическом, лексикографическом и других аспектах (см. об этом в: [Лукьянова, 2008а]).

Данная статья посвящена рассмотрению экспрессивности лексических единиц (далее – ЛЕ) в семантическом аспекте. Объектом нашего описания является экспрессивная лексика разговорных страт – литературно-разговорной и диалектной. Целесообразность вовлечения в сферу исследования диалектных ЭЛЕ, наряду с разговорными ЭЛЕ, обусловлена тем, что экспрессивность и литературного языка, и говоров имеет больше общих признаков, чем различных, например:

- общие когнитивные механизмы ее порождения и воплощения в семантике ЛЕ;
- общие направления и модели метафоризации как одного из способов порождения экспрессивной семантики;
- одинаковые средства формального выражения экспрессивной семантики;
- общие модели речевой реализации экспрессивных единиц;
- ЭЛЕ разных страт выполняют одинаковые функции;
- ЭЛЕ участвуют в создании общей ценностной картины мира русского народа.

Различия связаны с составом и количеством тех ЛЕ, в которых воплощается экспрессивная семантика, а это объясняется различием чувственно-практического опыта говорящих, использующих литературно-разговорную речь, и диалектоносителей. Различия также относятся к формальным средствам выражения экспрессивной семантики: в их арсенале присутствуют, например, диалектные суффиксы, но их количество незначительно. Приводимый нами иллюстративный материал взят из толковых словарей русского языка, письменных текстов, передающих разговорную речь, наших записей фрагментов естественной литературно-разговорной речи и речи носителей говоров Новосибирской области (диалектные примеры маркируются пометой *диал.*).

Семантический диапазон ЭЛЕ разговорного употребления довольно широкий: от (а) единиц с «полновесным» денотативно-сигнификативным содержанием, часто не имеющих формальных показателей экспрессивности, находящихся на границе с неэкспрессивными, номинативными, ЛЕ и нередко получающих неодинаковые стилистические и эмоционально-оценочные интерпретации в толковых словарях (это, как правило, неодушевленные существитель-

ные, прилагательные, глаголы, наречия), до (б) единиц с размытым или даже «пустым» денотативно-сигнификативным содержанием, «привязанных» к определенной эмоциональной коммуникативной ситуации и вследствие этого находящихся на границе с междометиями. Приведем примеры более или менее семантически близких ЛЕ с их стилевыми и эмоционально-оценочными пометами из одного и того же словаря – «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1997 г. издания (далее – СОШ):

(а) *разгильдяйство* разг., презр., аналогичные по структуре и близкие по семантике ЛЕ *ротозейство*, *головотяпство*, *верхоглядство* зафиксированы в словаре только с пометой разг., ср. соответствующие производящие слова: *разгильдай* разг., *ротозей* разг., неодобр., *головотяп* разг., презр., *верхогляд* разг.; другие примеры: *анонимка* ‘анонимное письмо, сообщающее о ком-н. что-н. обидное, неприятное, компрометирующее’ разг., неодобр., но *фальшивка* ‘фальшивый, подложный документ’ – только помета разг., *подделка* ‘подделанная вещь, имитация’ – без помет; *сговор* ‘соглашение в результате переговоров’ обычно неодобр., но *сделка* ‘неблаговидный, предосудительный сговор’ – без помет; *маниловщина* неодобр., но *обломовщина*, *хлестаковщина* – без помет (кстати, суффикс *-щина* в подобных ЛЕ В. В. Виноградов относил к экспрессивным);

(б) *ахиня* разг. ‘взор, бессмыслица’, *бред* разг. ‘нечто бессмысленное, вздорное, несвязное’, *вздор* разг. ‘нелепость, глупость, ерунда’, *ерунда* разг. 1. ‘Взор, пустяки, нелепость’ (*Молоть всякую ерунду*). 2. ‘О чем-н. несущественном, незначительном’ («*Сильно порезался?*» – «*Ерунда!*»); *чушь* разг. ‘ерунда, нелепость’, *кошмар* в знач. сказ. ‘о чем-н., проявляющемся сильно или о большом количестве кого-чего-н.’ прост., обычно неодобр. (*Денег потратили – кошмар!*; *А вещей ненужных повыбрасывали – просто кошмар!*), а также употребляется в качестве междометия (*На улице холодно – кошмар!*); *ужас* в знач. сказ. ‘о чем-н. изумляющем, необычном по своим положительным или отрицательным свойствам, а также о большом количестве кого-чего-н.’ разг. (ср. диал. контексты: *Ужас какая грязь у них в доме!* / *Не хочется туда заходить*; *На свадьбу он [жених] скоко ша-*

риков накупил! / *Ужас!*); *беда* в знач. сказ. ‘очень много’ прост. (*Людей там – беда!*); в диалектной речи употребляется в качестве междометия (*Нóнче скоко грибов уродилось / всё лето таскали их / прямо беда!*). Замечу, что в разных словарях одно и то же слово может иметь различные интерпретации в аспекте их экспрессивного и стилистического потенциала, но здесь соответствующий материал не приводится.

Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии

Существуют определенные трудности интерпретации экспрессивности лексики как категории в аспекте ее семантики. Это можно объяснить рядом причин.

Во-первых, в когнитивном аспекте ЭЛЕ репрезентируют результаты как логической, так и эмоционально-психической деятельности сознания в их целостности. В лексикологии (семасиологии и ономасиологии) они (результаты) именуются терминами денотативно-сигнификативное (объективное) и коннотативное (субъективное) содержание (значение, семантика) слова. Но разграничение этих двух гетерогенных частей единой, неделимой сущности – лексического значения (далее – ЛЗ) слова – не имеет под собой достаточно убедительных критериев и нередко носит субъективный характер. Так, известно, что оценки, репрезентируемые словами, философы, а вслед за ними и лингвисты разделяют на логические и эмоциональные: первые относятся лингвистами к денотативно-сигнификативной части ЛЗ слова, вторые – к коннотативной. Ср. следующие оппозиции однокоренных и разнокоренных слов с семами ‘логическая оценка (положительная или отрицательная)’ – ‘эмотивная оценка (положительная или негативная)’: *добрый*, *доброта* – *добрейший*, *добряк*; *злой*, *злость* – *злющий*, *злюка*, *злючка*, *злодей*; *глупый* – *глупец*, *глупость* (*Не рассказывай ты мне эти глупости*; «*А если все узнают о твоём отъезде?*» – «*Глупости!*»); *бездарный* – *бездарь*; *вкусный* – *вкуснятина*; *ароматный* – *вонючий*, *зловонный*; *ссора*, *скандал* – *буза*, *базар*, *бедлам*, *балаган*, *бенефис* ирон., *цирк*, *катавасия* шутол., *тара-рам*. Точно так же сему ‘высокая степень проявления признака предмета, явления’ можно квалифицировать как сигнификатив-

ную и как коннотативную. Ср. оппозиции слов – с общими семами ‘очень спешная работа’: *аврал – гонка, горячка, лихорадка, штормовщина*; с архисемой ‘сильный по степени своего проявления’: *сильный – адский, дьявольский, чертовский, чудовищный, ужасный, безумный, идиотский* (боль, нежность, гордость, скорость, аппетит, голод, холод, погода, ветер); с архисемой ‘большое количество однородных предметов’: *много, множество – лавина* (чувств, вопросов, покупок), ‘множество лиц’ – *созвездие дураков, бездельников, джинсовых созданий*, ‘множество натурфактов’ – *табун / табуны васильков, елочек, облаков, бабочек*.

Во-вторых, образность как один из компонентов значения тоже свойственна словам с денотативной семантикой и словам с коннотативной семантикой. Ср. пары однокоренных слов с номинативным и экспрессивным значением: *змеевик* ‘изогнутая спиралью трубка’ – *змеюшник* ‘собравшиеся вместе злые, враждующие друг с другом люди’; *окаменелые* (кости) – *окаменеть* (от горя); *нескладный* ‘с недостатками, внутренними изъянами’ – *нескладица* (жизни) (*Он [Юра] привык к этим переменам, и в обстановке вечной нескладицы [в семье] отсутствие отца не удивляло его* (Б. Пастернак. Доктор Живаго)); *нервничать* – *нервопрёпка*; *вихриться* (о пыли, снеге) – диал. *завихеривать* ‘быстро идти, бежать, торопиться’ (*Вон бабка как завихеривает!*).

Следовательно, сохраняется проблема поиска критериев отнесения названных сущностей к денотативно-сигнификативной и коннотативной части ЛЗ слов. Кроме того, высказывается мнение о том, что, кроме суффиксов субъективной оценки, не существует других «собственных средств» (не считая стилистических фигур и приемов речи) выражения экспрессивности [Телия, 1991б. С. 33]. В своей более ранней монографии В. Н. Телия также подчеркивает «тропоморфный и словообразовательный способы образования экспрессивной окраски» и в то же время утверждает, что «главенствующая роль» в создании экспрессивной окраски «принадлежит метафоре как самому простому по композиции, а потому безошибочно воспринимаемому приему переосмысления и усиления образного сигнала» [1986. С. 71]. Ее работы, посвященные метафоре, экспрессивной семантике лексики и фразеологии, являются блестящим обос-

нованием данного положения. Однако мнение об отсутствии «собственных средств» выражения экспрессивности, кроме суффиксов субъективной оценки, спорное.

В-третьих, те признаки, которые участвуют в порождении экспрессивности, относятся к коннотативной части (коннотации) лексических значений слов. Дискуссионно, по нашему мнению, широко распространенное утверждение о том, что коннотация, а следовательно, и экспрессивность, является *дополнительным содержанием* слова, «его сопутствующими семантическими или стилистическими оттенками, которые накладываются на его основное значение» [Ахманова, 1966. С. 203–204], а также и утверждение о том, что «фонд экспрессивных языковых средств *дополнителен* (курсив мой. – Н. А.) по отношению к нейтральным общеупотребительным, по самой своей идее он настроен на более редкое использование: экспрессивность «прямо пропорциональна необычности, нестандартности, редкости слова, словосочетания, морфемы, конструкции» [Матвеева, 2003. С. 404]. Представление о дополнительности, «неглавности» коннотации в структуре ЛЗ слова демонстрирует и соответствующая терминология, привнесенная в лексикологию из лингвостилистики: экспрессивность называют *оттенком значения, окраской, окрашенностью, ореолом*, тем самым интерпретация экспрессивности выводится из системно-семантического русла в лингвостилистическую сферу.

В-четвертых, ЭЛЕ стилистически маркированы (значимы, окрашены). Дискуссию вызывает вопрос о статусе стилового свойства ЭЛЕ: одни лингвисты выделяют стилистическую маркированность в качестве компонента («стилового компонента», по Т. В. Матвеевой) значения ЭЛЕ, например, В. Н. Телия [1991а. С. 40–41], Т. В. Матвеева [2003. С. 112]; другие исследователи не включают стиловую окрашенность в значение, называя ее значимостью, например, Л. М. Васильев [1985. С. 5]. А. Е. Р. Курилович считает, что «экспрессивные формы и стилистические варианты <...> можно было бы объединить общим термином стилистических в широком смысле слова» [1955. С. 76]. Как известно, еще Ш. Балли, заложивший основы экспрессивной стилистики, ее предметом считал «экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмо-

ционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [2001. С. 33]. Следовательно, сохраняет актуальность проблема отграничения экспрессивности от стилистической окрашенности ЛЕ.

В-пятых, не существует единого понятийно-терминологического аппарата описания экспрессивного фонда языка. Как отмечает Г. Н. Скляревская, «в целом терминологическая система категории языковой оценки (ее работа посвящена эмотивной оценке. – Н. Л.) еще не сформировалась, иерархически не выстроена, за каждым термином не закреплено одно и только одно значение и, напротив, за каждым языковым фактом – только один термин. Терминологическая полисемия и синонимия препятствуют всякий раз уточнять и определять выбранные им (исследователем. – Н. Л.) термины» [Скляревская, 1997. С. 171]. Как синонимы употребляются термины *экспрессивное значение*, *коннотативное значение* и *прагматическое значение*, *экспрессивное* и *эмоциональное* (значение, слово, высказывание, выражение), *экспрессивный*, *коннотативный* и *прагматический* (компонент значения, сема) и др.

Семантические основания экспрессивности лексических единиц

Целесообразно различать термины, которые обычно используются при описании «экспрессивных» объектов. Экспрессивность может иметь системный и речевой статус, или, в терминологии О. С. Ахмановой, быть *ингерентной* и *адгерентной* [1966. С. 523], – это общеизвестное положение. Однако существует и иное мнение: экспрессивность есть чисто психологическое (не лингвистическое) явление, а поэтому оно относится только к *деятельности языка*, т. е. к речи (К. Вайсгербер), проявляется в употреблении слова, «а употребление и значение слова связаны живыми нитями» [Звегинцев, 1957. С. 171].

В нашей концепции через определение *экспрессивный* и производное *экспрессивность* квалифицируются системные единицы, их свойства и функции:

- *экспрессивность* – свойство ЛЕ, а также единиц других уровней языка;

- *экспрессивное лексическое значение* (содержание, семантика) – системное значение ЛЕ;

- *экспрессивная лексическая единица*, *экспрессивное слово*, *экспрессивная номинация*, *экспрессив* – лексема и лексико-семантический вариант лексемы, обладающие свойством экспрессивности, т. е. имеющие экспрессивное значение;

- *экспрессивная единица языка* – единица любого уровня, обладающая свойством экспрессивности;

- *экспрессивный лексический фонд* (корпус), *экспрессивная (лексическая) подсистема языка* – часть лексического фонда, лексическая подсистема, которую формируют экспрессивные лексические единицы;

- *экспрессивный фонд (корпус) языка* – вся совокупность разноуровневых единиц, которые обладают свойством экспрессивности как элементы языковой системы;

- *экспрессивный контекст* – речевой или текстовый фрагмент связной устной или письменной речи, выражающий экспрессивный смысл;

- *экспрессивный дискурс* – 1) то же, что экспрессивный контекст, рассматриваемый через призму внешнего (социального) контекста (отношения говорящего к предмету речи, эмоционального состояния говорящего, отношений между говорящими, исторического фона высказывания и т. п.); 2) совокупность экспрессивных контекстов, относящихся к определенному стилю литературного языка или страте языка, например, *литературно-художественный дискурс*, *политический дискурс*, *литературно-разговорный дискурс*, *разговорно-бытовой дискурс*, *диалектный дискурс*, *просторечный дискурс*, *жаргонный дискурс* и т. п.;

- *экспрессивная функция (функции)*, «*экспрессивный эффект*» (В. Н. Телия) – прагматическая функция (функции) экспрессивных единиц – их предназначение выражать эмоциональное состояние говорящих в момент речи, характеризовать и давать субъективные оценки окружающим предметам и другим людям, усиливать впечатление адресата от полученной им информации, воздействовать на него, побуждая к ответной реакции, и т. д. (подробнее о функциях ЭЛЕ см. в: [Лукьянова, 2008б]).

Квазитермины *экспрессивная окраска*, *окрашенность*, *маркированность*, *оттенки значения* мы используем для обозначения

«речевых наслоений», «приращений (обертонов) смысла», которые приобретают единицы языка в речи / тексте, не будучи экспрессивными в языке-системе. Здесь для меня авторитетным является мнение Б. А. Ларина: «Семантические обертоны – те смысловые элементы, которые нами воспринимаются, но не имеют своих знаков в речи, а образуются из взаимодействия совокупности слов» [1974. С. 36], т. е. это те смысловые приращения, которые слово получает в речи под влиянием внутреннего и внешнего контекстов. Внутренним контекстом рече-слова выступают окружающие его единицы разных уровней, а внешним – определенная внеязыковая ситуация. В отличие от семантических обертонов, экспрессивные компоненты значения, как и экспрессивное значение в целом, имеют знаки – это формальные средства и неформальные показатели экспрессивности (см. об этом далее). Следовательно, семантические основания экспрессивности – это органичные компоненты значения ЭЛЕ, а экспрессивная окраска относится к *актуальному (речевому) смыслу* языковых единиц, т. е. связана с прагматикой и стилистикой речи.

Экспрессивная лексическая единица – лексема как система ее лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), т. е. полисемант, и отдельный ЛСВ лексемы; они обладают свойством экспрессивности в противопоставлении другому свойству лексических единиц – номинативности. Положение об экспрессивности (эмоциональности) как о свойстве языковых единиц разговорной речи, выявляемом из их противопоставления «неэкспрессивным» (логическим) фактам, как известно, было обосновано еще Ш. Балли. С его концепцией экспрессивности связан метод идентификации, на его основе разработан метод ступенчатой идентификации Э. В. Кузнецовой. Оба метода широко используются в современной русистике.

Номинативность – свойство ЛЕ, связанное с обозначением и названием предметов, соотносимое с классифицирующей деятельностью сознания (денотатом и / или сигнификатом), т. е. работой левого полушария головного мозга в когнитивно-номинативном (в аспекте порождения ЛЕ) и когнитивно-коммуникативном (в аспекте функционирования ЛЕ) процессах.

Экспрессивность – свойство ЛЕ, связанное с ее способностью в образной или (реже) необразной «форме» репрезентировать субъективные аспекты восприятия человеком действительности: представления говорящих о качественно-количественных проявлениях реальных (предметов и их признаков, признаков других признаков, действий, состояний, процессов), непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения и оценки о предмете речи и т. д. Данное свойство ЛЕ соотносимо с работой правого полушария головного мозга в когнитивно-номинативном и коммуникативном процессах. Экспрессивное слово, строго говоря, не соотносится с классом однородных предметов: в сознании носителей языка не существует класса «*дряжи*», «*неряхи*», «*верзилы*», «*слюнтяи*», «*дармоеды*», «*дебоширы*» и т. п. ЭЛЕ не столько *называет* предмет, признак, действие, явление (хотя номинативность присуща и ЭЛЕ, однако не всем и не в одинаковой степени, о чем уже говорилось в начале статьи), сколько *выражает* субъективное «я» говорящего / пишущего, т. е. человеческий фактор, поэтому экспрессивный фонд языка антропоцентричен.

Следовательно, *экспрессивность* как свойство ЭЛЕ мы рассматриваем в оппозиции *номинативности* и, соответственно, *экспрессив* – в оппозиции *номинативу*, а *экспрессивную функцию (функции)* – в оппозиции *номинативной функции*.

Иную точку зрения высказывает В. Н. Телия. Она считает, что эти две функции не равнозначны в аспекте их «сферы действия», а поэтому не могут участвовать в такой оппозиции. Номинативная функция «устанавливает отношение между именем и объектом (вычленяемым с точностью до класса)», «нацелена на вычленение и название элементов внеязыковой реальности», а экспрессивная – между «оценочно-эмоциональным отношением субъекта и обозначаемой реальностью», «связана с выбором средств, которые удовлетворяют речевой интенции говорящего воздействовать на адресата и заставить его «сопереживать» или «содействовать» адресанту» [Телия, 1991а. С. 33–34]. С этим мнением нельзя не согласиться, коль скоро речь идет об экспрессивном тексте или его фрагменте, один подобный фрагмент (экспрессивный диалогический) автор приводит для иллю-

страции этого положения. Экспрессивный текст «создается отбором средств и способов ведения диалога», – пишет В. Н. Телия [1991а. С. 34]. Для такого отбора должны существовать в системе языка соответствующие средства, уже «отмеченные» как не-нейтральные нашим сознанием.

Нередко в качестве синонимов терминам *экспрессивный* и *экспрессивность* употребляются номинации *выразительный* и *выразительность*. В лингвистической литературе и толковых словарях феномену *выразительный* (*выразительность*) приписывается довольно широкая гамма разнородных признаков: живо и ярко отражающий внутреннее состояние, переживания, характер, хорошо, ясно выражающий что-либо, намеренно подчеркнутый, необычный, оригинальный, нестандартный, редкий, уникальный, лаконичный, красочный и др. Поэтому номинации *выразительный* и *выразительность* не могут иметь статуса терминов, они лишь частично могут заменять первые два термина – в таких ситуациях, когда речь идет не о семантике экспрессивов, а об их функционировании в устных и письменных высказываниях.

Свойство экспрессивности лексических единиц и их экспрессивные функции детерминированы их семантикой. Общим местом теории экспрессивности является признание коннотативной природы экспрессивности как лингвистической категории. Но коннотация, а также количество выделяемых лингвистами коннотативных сем, порождающих «экспрессивный эффект», и их соотношение в ЛЗ слова интерпретируются по-разному, поэтому и основания экспрессивности получают различные толкования.

В освещаемой здесь концепции выделяется три семантических основания экспрессивности: в семантике ЭЛЕ в разных комбинациях, или «сочетаниях», представлены *интенсивность*, *эмотивность* или *эмотивная оценка и образность*. Компоненты *эмотивность* и *эмотивная оценка* не объединяются в границах одного и того же ЛЗ, данные семы относятся к разным значениям, исключая друг друга. Между ними отношения дизъюнкции. Эти три основания выделяются почти во всех исследованиях экспрессивности, а термины *эмотивный*, *эмотивность*, *эмотивная оценка*, введенные В. И. Шаховским [1987. С. 23–29] с целью

разграничения *эмоциональности* как свойства субъекта эмоционально воспринимать окружающий мир, эмоционально реагировать на ситуации и *эмотивности* как свойства языковых единиц, хорошо «встроились» в терминологическую систему, описывающую экспрессивность. С позиций когнитивной теории лексического значения каждый из названных компонентов имеет когнитивную и психическую природу. Когнитивная природа языковых единиц обусловлена познавательной функцией языка, связанной с высшими психическими процессами, используемыми носителями языка для того, чтобы узнать, понять и объяснить окружающий нас мир, передать полученные знания от поколения к поколению. По словам В. Гумбольдта, «язык как бы обретает прозрачность и дает заглянуть во внутренний ход мысли говорящего» [1984. С. 171]. Результаты этих процессов вербализуются языковыми средствами, а последние являются выразителями наших мыслей и чувств.

Интенсивность, эмотивность, эмотивную оценку мы относим к коннотативной части ЛЗ ЭЛЕ, противопоставляя ее денотативной (или денотативно-сигнификативной, в другой терминологии – дескриптивной) части ЛЗ, а образность рассматриваем в качестве самостоятельного, целостного, неделимого компонента, равно связанного как с коннотативным, так и с денотативно-сигнификативным содержанием ЭЛЕ.

Интенсивность. В исследованиях экспрессивности общепризнанным стало мнение о том, что одним из компонентов семантики ЛЕ является ‘высокая степень признака предмета, явления, действия / чрезмерность (гиперболизация) признака’. Этот компонент называется *интенсивностью* (наиболее распространенный термин), *экспрессивностью* (во втором, узком, значении этого термина), а также *параметрическим* и *параметрически-оценочным компонентом* (Т. В. Матвеева). По определению Т. В. Матвеевой [1986], он представляет собой квалификацию предмета с точки зрения полноты проявления свойственного ему признака. Интерпретация данного компонента как *параметрически-оценочного* соответствует пониманию количественной оценки, выделяемой в системе частных оценок в философских работах. Тезис о том, что интенсивность «провоцирует» коммуникативную (речевую) экспрессивность (выразитель-

ность), бесспорен. Однако именовать данный компонент термином *экспрессивность* нежелательно по той причине, что в системе терминов, описывающих экспрессивные единицы языка, он оказывается «задействованным» трижды: как обозначение, во-первых, общезыковой категории, объединяющей экспрессивные интенсивы разных уровней русского языка; во-вторых, лексико-семантической категории – родовой, связанной только с ЭЛЕ (категории семасиологии и ономасиологии); в-третьих, – видовой, если ее связывать с экспрессивными интенсивами только лексического уровня. Тем самым размываются содержательные границы данного термина.

В одной из более ранних моих работ была выделена терминологическая оппозиция *интенсивность – экстенсивность* как обозначение противопоставления увеличенного (усиленного) и уменьшенного (ослабленного) признака предмета, явления, действия, например: *каланча, верста, жердь, жираф(а)* и *кнопка, пуговка, карлик, гном* – о человеке очень высокого или очень низкого роста; *мчаться, нестись, лететь, нестись сломя голову, наяривать, улепётывать*, диал. *завихёривать* и *тащиться, тащиться как черепаха, плестись*, диал. *кандыбать / шкандыбать* ‘передвигаться очень быстро – очень медленно (о человеке)’. Однако позднее я отказалась от этой оппозиции, считая, что целесообразно выделить не две, а одну абстрактную сему ‘преувеличение / преуменьшение меры, нормы признака’, которая вербализуется следующими метасловами и метасловосочетаниями, обычно используемыми в словарных толкованиях и называемыми *интенсификаторами*, по своей семантике это *семантические примитивы* (А. Вежбицкая, Ю. Д. Апресян): *очень, сильно, очень сильно, излишне, крайне, в высокой / низкой степени, в крайней степени, чрезвычайный, очень быстро / медленно, а также очень много / мало, в большом / малом количестве, огромное множество* и др. Данная сема «спаяна», «сращена» с другими семами значения ЛЕ, которые отражают тот признак предмета, другого признака, свойства или действие, процесс, которые в нашем сознании представляются либо как интенсивные, либо как экстенсивные.

Интенсивность как семантический феномен я связываю не с любой количественной

квалификацией предмета, явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от «нормальной меры», т. е. от зоны нормативности, от некоторого «нуля нормативности», и вследствие этого воспринимается нашим сознанием, в соответствии с определенными культурными установками говорящих, иначе, чем обычный, соответствующий некоторой социальной норме, или мере, предмет, явление.

Причем, ЭЛЕ актуализируют не преувеличение (усиление) или преуменьшение (ослабление) некоторого признака предмета, явления, а *представление* говорящих о такой мере явления (количественный параметр), которая в культуре социума приравнивается к новому качеству. Так, глагол *бежать* не передает представления о реально возможной степени быстроты бега (бежать можно очень быстро, очень-очень быстро, очень-очень-очень быстро, но не 3, 5 или 10 км в час) – он передает представление о некоторой социальной норме, «нулевой» степени меры. В отличие от него, глагол-метафора *лететь* выражает представление говорящих о гиперболизированном процессе и поэтому необычном по сравнению с процессом ‘бежать’. *Лететь*, а также *мчаться, нестись, нестись сломя голову, наяривать, шпарить*, диал. *завихёривать* обозначают представления об ином качестве процесса ‘бежать’.

Приведу примеры. Глагол *получить* ‘взять нечто даваемое, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое’ (деньги, книги, журнал, квартиру, звание) обозначает такое действие, которое может быть интерпретировано в аспекте его меры как соответствующее некоторой социальной норме, или «нулевой степени меры», и поэтому является номинативом в системе лексики: деньги и звания люди получают за свой труд, квартиру – например, по очереди, а книги и журналы – по подписке (как это было в советское время) или в дар, звания – за достижения в науке, искусстве, спорте и т. д. В отличие от него, глагол *заграбастать* актуализирует этот же смысл плюс еще признак ‘много / сверх меры’, который в контекстах репрезентируют также и различные языковые средства: местоимение *всё, все* (например: [О взрослых детях] *Заграбастали всё, что осталось у отца* (разг. речь); [О директоре НИИ] *Заграбастал все звания, какие только можно получить* (разг. речь)),

наречие *много*, существительные с количественной семантикой (*заграбастали много / уйму денег*) и другие (например: *Заграбастал сразу две квартиры, для себя и для дочери, а люди остались без квартир* (разг. речь)). Данный глагол описывает ситуации иного плана, чем глагол *получить*: они связаны с нарушением морально-этической нормы; *заграбастать* – значит не столько ‘получить’, сколько ‘присвоить много, сверх меры чего-н., нечестным путем или используя свое служебное положение, родственные или дружеские связи, и т. п.’, а также ‘завладеть чужим, не заработанным самим, не принадлежащим тебе’, ‘отнять, захватить силой’. Своей внутренней формой глагол *заграбастать* соотносится с глаголом *грабить*, первичное значение которого – ‘сгребать сено или зерно в кучу граблями’, сохраняющееся в говорах (*Женщины всё делали / и коров доили / и в поле рóбили / и на сенокосе / сено гра́били*).

Задарить – ‘сделать много подарков, а также подкупить подарками’ (сему ‘много / сверх меры’ выражает приставка *за-*). Такое толкование дает, например, СОШ [1997. С. 203]. Значение данного глагола тоже можно интерпретировать как совмещенное, но оно поддается «расщеплению» на два значения: 1) *номинативное* – ‘преподнести, сделать много подарков кому-нибудь’. Вполне реальны ситуации, когда сделать много подарков кому-нибудь необходимо (например, к свадьбе, юбилею), а для кого-то это нормальное состояние: человек любит дарить подарки или дарит много подарков кому-то, уважая, любя данного человека (например, такая ситуация: *Дед подарил подарками свою любимую внучку*); 2) *экспрессивное* – ‘подкупить кого-н. многими / частыми подарками или большими деньгами, тем самым склонить на свою сторону в каком-либо деле, какой-либо ситуации, получив от этого необходимую выгоду, используя одариваемого в корыстных целях’. А это уже является нарушением морально-этической и нравственной норм. Таким образом, оба ЛСВ данного глагола обозначают меру действия, но различную: «нормативную» (первый ЛСВ) и «ненормативную» (второй ЛСВ). Но если первый ЛСВ – только меру количества, которая в лингвистической интерпретации называется *интенсивностью*, то во втором ЛСВ – количественную меру, совмещенную с «мерой» морально-этического качества.

Данный пример иллюстрирует положение о переходе количества в новое качество на уровне внеязыковой действительности. ЭЛЕ регистрируют результаты когнитивной обработки такой трансформации. А поэтому ЛЗ экспрессивов отражают не нарушение нормальной меры признака предмета, явления, действия, а *представление* говорящих о таком нарушении (преувеличении). Таким образом, интенсивность экспрессива мы связываем с отраженным в его ЛЗ *представлением* говорящих о ненормативном (преувеличенном или преуменьшенном) в аспекте некоторой социальной меры, нормы признака предмета, явления, процессе, действии.

В ментальном пространстве говорящих представление о высокой степени (признака предмета, действия, другого признака) либо существует как отдельная структура – образ (ср. репрезентанты *адский, собачий, чертовский* (голод, холод) ‘очень сильный в своем проявлении’, *адская, бешеная, безумная* (скорость) – в словарях подобные метафоры подводятся под обобщенную схему толкования ‘высокая степень (в высокой, крайней степени) проявления признака’), либо воплощаются в том образе, в котором мыслится предмет, явление, действие в его целостности. Например:

долговязый ‘очень + высокий, как правило, худой, нескладный (о человеке мужского пола)’ (*долговязый* образовано путем сложения *долгий* ‘длинный’ и *вязы* ‘шея’, сохранившегося в некоторых говорах, первоначальное значение ‘длинношейей’, а также и слово *длинношейей*);

долгоязыкая ‘слишком + болтливая (о женщине, девушке)’;

звездануть ‘сильно + ударить кого-л.’;

синонимы *поразить, огорошить, ошеломить, ошарашить* ‘очень сильно + удивить кого-нибудь чем-либо’;

вожжаться прост., неодобр. ‘длительно + заниматься чем-либо; заниматься каким-либо делом, доставляющим + много + хлопот, труда; излишне + медленно и кропотливо делать что-либо’ (в СОШ этот глагол семантизируется через синонимический глагол *возиться*);

отбрыкаться прост. ‘долго + и упорно + иногда путем обмана + отказываться от чего-либо + добившись своей цели’.

Представление о высокой степени признака предмета, явления связано как с ра-

циональной, так и субъективной (эмоционально-психической) сферами сознания: с одной стороны, на уровне действительности высокая степень признака есть свойство реальных предметов, явлений; с другой – на когнитивном уровне любое представление о реальных предметах связано с субъективным, человеческим, фактором. По мнению В. И. Шаховского, с которым мы полностью согласны, «интенсивность не всегда экспрессивна, поэтому неправомерно ставить знак равенства между экспрессивностью и любым усилением» [2008. С. 95]. Так, прилагательное *молниеносный* (удар, ответ, реакция) обозначает такую быстроту, стремительность, мгновенность действия, которая не может быть измерена в секундах или долях секунды. Следовательно, это не что иное, как наше субъективное представление о такой скорости, наш «образ быстроты», закрепленный в ментальном пространстве говорящих и репрезентированный данным прилагательным. Слово сочетание *каскад ударов* выражает представление не о конкретном, известном всем количестве следующих друг за другом ударов, т. е. некоторой норме, а субъективное представление о ситуации следующих друг за другом ударов (мяча в спортивных состязаниях, у боксеров – оплеух, пощечин, пинков), – представление, имеющее свою «нишу» в концептуальной картине мира русских и, в вербализованной форме, в системе лексики. Поскольку в лингвистике коннотация как языковой феномен обычно связывается с субъективной сферой сознания, то интенсивность как компонент семантики экспрессивов резонно интерпретировать как коннотативную сему. При отсутствии такой связи интенсивность имеет характер денотативной семы.

Эмотивность и эмотивная оценка. Эмотивность и эмотивная оценка связаны с ценностной картиной мира.

Термин *эмотивность* обозначает отраженные и закрепленные в значении ЛЕ эмоциональное восприятие субъектом предметов действительности, эмоциональную реакцию адресанта речи на определенную ситуацию, чувства, настроения, переживания. ЭЛЕ с компонентом 'эмотивность' (часто это диминутивы) репрезентируют положительные эмоции (не оценки!): ласку, нежность, любовь, особенно к маленьким детям (*радость моя, кровинушка, солнышко,*

деточка, колокольчик, ягодка), животным (*котик, коровушка, птенчик, курчонок*), натурфактам (*солнышко, звездочка, дождичек, травушка, березонька*). Эмотивность в художественном и разговорном, особенно диалектном, дискурсах несет положительный «заряд», а ЭЛЕ с компонентом 'эмотивность' участвуют в интерпретации и поэтизации бытовых предметов, реалий природы, частей тела человека, выполняют функцию ласковых обращений. По Ш. Балли, эмоциональная окраска «наблюдается и в том случае, когда речевой факт вызывает в нас ощущение красоты, изящества, грации» [2001. С. 199]. ЭЛЕ выражают также чувства любви, уважения к старшим, интенции почтения, благодарности, извинения (в диалектной речи: *матушка, батюшка, братец, браток, сестрица, соседкушка*).

Приведу примеры, извлеченные из диалектного дискурса: *Вы́стирашь белье́ / высушишь его на морозе / чистое / што твоё лебе́диное крылышко!; А цветочки полевые красивеньки какие! / Бывало / с покосу идёшь домой / руки-ноги болят / так наработаешься / а цветочков сорвёшь / на божничку поставишь; Рученьки мои труженицы / сколько вами работы переделано!; Болят мои ноженьки / целыми днями топчешься / топчешься по хозяйству / вот и болят они натруженные; По всей ноченьке не сплю / всё думаю и думаю / как там [в городе] мои деточки живут? / Хоть бы одним глазочком посмотреть на них да на внучаточек; Батюшка у нас шибко крутой был; Говорят / свекрови плохие / а я свою свекровушку любила / ничё не скажу плохого о ней / жили мы дружно / царство ей небесное; Братец деньги на похороны мужа прислал / сам-то приехать не мог; [Ситуация: свинья разрыла грядки в соседском огороде] Пошла я [к соседям] и говорю: «Ты прости меня, соседкушка, не доглядела я эту чушку проклятую».*

Экспрессивы как системные единицы не передают всей гаммы положительных и отрицательных эмоций и чувств. Например, чувства положительного спектра – доброжелательство, сочувствие, соучастие, соболезнование, милосердие, жалость и др., негативного спектра – раздражение, возмущение, негодование, гнев и др. выражаются не отдельными словами, а высказыванием / контекстом в целом. Негативные эмоции, как правило, связаны с оценкой.

Эмотивная оценка – это отраженное сознанием, выраженное с помощью определенной эмоции и закреплённое в значении ЛЕ мнение субъекта, его оценка определенной реалии, ситуации.

Эмотивные оценки могут быть общими: положительными (позитивными) и отрицательными (негативными). Каждая из них воплощает частные оценки, выделяемые по их основанию: интеллектуальную, нормативную, морально-этическую, нравственную, гедонистическую, утилитарную, телеологическую, эстетическую и др. В семантике ЭЛЕ разные частные оценки нередко совмещаются, например: *превосходный костюм* – нормативная, эстетическая и утилитарная положительные оценки, *блестящий доклад* – интеллектуальная и эстетическая позитивные оценки. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «оценка (предметам. – Н. Л.) дается по совокупности разнородных свойств» [1988. С. 71].

В речи эмотивная оценка зависит от эмоционального тона высказывания (внешнего контекста) и / или от внутреннего (языкового) контекста, в котором актуализируется оценочное слово. Поэтому в речевых актах нередко происходит смена «знака оценки» (Е. М. Вольф, Т. В. Матвеева) – позитивной на негативную (чаще) и наоборот (реже), а также нейтрально-оценочные в системе языка ЛЕ могут приобретать негативную оценку.

Как известно, оценка проявляется через разум и через эмоцию. На этом основано известное философское деление общих оценок на логические и эмоциональные, оно перенесено в лингвистику. Нередко логическая оценка отождествляется с интеллектуальной оценкой и соответствующие термины употребляются как синонимы. Однако синонимия здесь ложная, потому что термин *интеллектуальная оценка* обозначает одну из частных оценок, выделяемых по предмету (основанию), а именно оценку интеллектуальных, мыслительных способностей и результатов ментальной деятельности человека, например: *умный, умница, знаток, отличник* (об учащемся), *глупый, неуч, бездарь, бестолочь, недотёпа, недоумок, пень, бестолковица, бессмыслица, ахинея, чушь*, ср. контекст: «Где тапочки?» – спросил дедушка. – «Чем ты слушаешь, *бревно!* Только что объяснила» (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом).

Логическая оценка не имеет формальных средств выражения. В словарных толкованиях она эксплицируется с помощью метаслов-прилагательных *хороший, положительный, высокий, важный, значительный* и др. и *плохой, отрицательный* и др., а также метаслов, обозначающих положительные или негативные реалии, признаки, например: *лад* (в семье) – ‘согласие, мир, порядок’; *криминальный* (случай) – ‘преступный’. Кроме того, к ним применим прием модальной рамки «и это хорошо / плохо». Например: *лад* (в семье) – и это хорошо (положительная нормативная, в аспекте социальной нормы, логическая оценка), *доскональный* (анализ, разбор) ‘очень подробный, основательный’ – и это хорошо (положительная интеллектуальная логическая оценка), *достижение* ‘положительный результат каких-нибудь усилий, успех’ – и это хорошо (положительная утилитарная логическая оценка), *рекорд* ‘высший показатель, достигнутый в труде, спорте, соревновании’ – и это хорошо (положительная утилитарная логическая оценка); *умный* ‘обладающий умом, выражающий ум’ – и это хорошо, *глупый* ‘с ограниченными умственными способностями’ – и это плохо (отрицательная интеллектуальная логическая оценка), *скупой* ‘чрезмерно, до жадности бережливый’ – и это плохо (негативная морально-этическая логическая оценка). Логическая оценка относится к денотативно-сигнификативной части значения ЛЕ.

Эмотивность и эмотивные оценки ЛЕ могут быть формально выраженными (эксплицитными) и не выраженными (имплицитными). Поскольку данные компоненты свойственны экспрессивным значениям, то, соответственно, формальная выраженность / невыраженность характеризует экспрессивное значение в целом. Формальными средствами экспрессивности являются суффиксы субъективной оценки (положительные и отрицательные), они хорошо изучены, выявлен их состав в литературном языке и говорах, причем большая их часть совпадает в этих стратах. Кроме них, существует немало других средств, фонетических и словообразовательных, назовем некоторые из них.

Фонетические средства:

- повторение гласного звука или слога с близкими по артикуляции гласными, порождающее своеобразный сингармонизм, на-

пример, *ерепениться, хорохориться, хахаль, фефёла, тарарам*; диал. *арарáииться* ‘ходить по квартире, натываясь на предметы, греметь, шуметь, вызывая недовольство, раздражение, гнев окружающих’, *ерефёлка* – о непоседливой девочке, девушке, *растату́ра* ‘беспорядок, хаос в квартире, доме’ и др.;

- наличие в звуковой форме слова звукоподражательных или звукосимволических сочетаний – *бубнить, долдонить, трандить, мямлить, драндулет, вдрызг*; диал. *брундеть* ‘сердито бормотать, ворчать, выражая недовольствие’, *дрезжа́ть* ‘надоедливо и беспрестанно ворчать’, *бля́мкать* ‘громко говорить, повторяя одно и то же’, *колды́чить* ‘назойливо повторять или спрашивать одно и то же’ (от диал. *колды́* ‘когда’), *скы́ркать* ‘сильно, энергично скоблить что-л.’, *шва́ркнуть* ‘сильно ударить’, *шлё́ндать* и *шлы́ндать* ‘бесцельно ходить, вызывая осуждение окружающих’ и др. Подобная звуковая форма особенно характерна для глаголов с семантикой ‘говорить’, ‘ходить’, ‘ударить / ударять’, ‘что-либо делать’.

Словообразовательные средства:

- основы (корни) уникальные по форме, опустошенные, необычные, парадоксальные по содержанию, единичные по употреблению – *ощериться, объегорить, подкузьмить, отбояриться, прищучить* и др., *раскурочить, распатронить*; диал. *ухайда́кать* ‘испортить что-л.’ и ‘довести человека до болезни, смерти, убить’ (*Я на машине мало ездил, так сыновья ухайдакали ее; Ухайдакали таких парней в Афганистане!*), *изнахра́тить* ‘испортить, сломать (о предметах)’, ‘загубить (о жизни, судьбе)’, *искура́стать* ‘привести в негодное состояние, испортить, сломать (о предметах)’ и др.;

- архаичные (индоевропейские экспрессивные) префиксы – *су-тяга, о-ко-чу́риться, ко-че-вря́житься, от-че-кря́жить*; диал. *ку-ле-ме́сить* ‘готовить пищу кое-как, без желаний, невкусно – и это плохо’ и ‘говорить невнятно, мямлить, вызывая недовольство, раздражение окружающих’, *от-че-бу́чить* ‘сделать что-л. из ряда вон выходящее, что вызывает негативную реакцию окружающих’, *за-че-па́ха* ‘неряшливая, не следящая за собой женщина, девушка’ и др.;

- сложные слова-метафоры типа *чинодрал, тугодум, дармоед*; диал. *косопрядница* и *косопрядник* ‘сплетница’ и ‘сплетник’,

кашаворо́тый – о том, кто невнятно говорит (как бы ворочая во рту кашу), *просто-ды́рый* ‘наивный, недалекий, слишком доверчивый’, *дуропла́с* – то же, что *дурак* и др. В разговорных дискурсах, особенно диалектном, немало таких ЭЛЕ, компонентом которых выступают соматизмы; такие ЭЛЕ в целом характеризуют человека по интеллектуальным и морально-этическим признакам, как правило, выражают негативную эмотивную оценку: *пустоголовый, больше-головый* – о том, кто совершает плохие, необдуманные поступки; *лупоглазый, долгоносый, долгорылый* – об очень любопытном человеке; *долгорукий* – о том, кто любит присваивать себе чужое; *большиеротый, долгозубый, долготязыкий, зубоскал, зубомой* – о том, кто склонен к ссорам, сплетням или язвительным насмешкам; *кислогу́бый* и *кислогу́б* – о вечно недовольном человеке; *вертихвост* и *вертихвостка, шалахвост* и *шалахвостка* – о лицах легкого поведения и др.;

- современные префиксы, которые, не будучи экспрессивными, вносят свой вклад в выражение коннотативных сем (интенсивности, эмотивности, эмотивной оценки), нередко в сочетании с необычными, уникальными, единичными, парадоксальными основами или «в союзе» с постфиксом *-ся*, например: *вы-* (*вытанцовыва́ть* ‘долго и упорно, нередко с помощью обещаний, упрашивать кого-н. о чем-н.’, глаголы поведения – *выпендрива́ться, выкручива́ться, выделыва́ться, выламыва́ться*; диал. *вытворáживать* ‘говорить, растягивая слова, манерно, рисуясь’); *за-* (*замухрышка*; диал. *заму́зганный* и *заму́рзанный* ‘неопрятный, неухоженный (о лице мужского пола)’, *закудели́вать* ‘идти или бежать, держась нестойко на ногах, вызывая смех окружающих’, *зачепа́ха* и *задрёпа* ‘неряха (о женщине)’, *закады́чивать* ‘пить спиртное в большом количестве, часто’; *запузы́ривать* ‘бежать очень быстро’, *закудели́вать* ‘идти или бежать, держась нестойко на ногах, вызывая смех окружающих’); *из-/ис-* (*изгва́здаться* ‘сильно испачкаться, вызвав негативную реакцию окружающих’; диал. *изнахра́тить* ‘сильно избить кого-л., причинив вред’); *раз-/рас-* (*раздухариться* ‘сильно разозлиться на кого-л., вести себя очень агрессивно’, *раздраконить* ‘подвергнуть резкой критике кого-л., что-л.’, *размагиченный, разболтанный, развинченный*,

разнузданный – негативные характеристики человека по признакам его поведения; диал. *раздво́йчатый* ‘нерешительный, не имеющий твердых убеждений, твердого мнения, и это вызывает осуждение’, *расшепёриться* ‘сесть, заняв много места, некрасиво – и это плохо’, *распузы́риться* ‘сильно поправиться, растолстеть, став внешне непривлекательным, неприятным (обычно о женщине), – и это плохо’), а также приставки *на-*, *о-* / *об-*, *под-* и некоторые другие.

Во внешней форме ЭЛЕ может объединяться несколько средств, например: диал. *мазды́рнуть* ‘сильно ударить кого-н.’ – архаичный префикс *ма-*, звукосимволический уникальный по форме корень *-здыр-*, связанная основа.

Экспрессивы, являющиеся семантическими метафорами, в большинстве своем не имеют формального средства выражения коннотативных сем. В таком случае репрезентантом экспрессивной семантики служит словосочетание, в котором реализуется метафорический ЛСВ слова: *заводиться с полуслова*, *воевать с соседями*, *кислая улыбка*, *кислое настроение*, *кислая погода*, глаголы-синонимы *вертеться*, *крутиться*, *кружиться по хозяйству*; диал. *деревни грибов* (‘очень много грибов’), *рогастый парень* ‘язвительный, насмешливый, как если бы имел рога’ (сфера-источник – *рогастый бык*), *комо́лый парнишка* ‘слишком робкий, застенчивый’ (сфера-источник – *комо́лая корова* ‘не имеющая рогов’), *хмарный старик* ‘мрачный, сердитый’ (сфера-источник – *хмарная погода* ‘пасмурная’) и т. п.

Показателем метафоры служит и сам находящийся в ментальном пространстве носителей языка механизм метафоризации, т. е. сравнение представлений о двух предметах («предметной пары»), осознание общности, подобия предметов, относящихся к разным концептуальным сферам. Обычные (не художественные) слова-метафоры легко расшифровываются носителями языка, а также легко порождаются окказиональные метафоры в коммуникативном процессе (более подробно вопрос о формальных средствах и неформальных показателях экспрессивности ЛЕ разговорного употребления изложен в: [Лукьянова, 1986. С. 82–102]).

При формально не выраженной (скрытой) эмотивной оценке ЛЕ может использоваться словообразовательный анализ: экс-

прессивность является результатом либо транспозиции значения производящей основы в производную в процессе словопорождения (например: *делячество* < *деляга*, *ротозейство* < *ротозей*, *головотяпство* < *головотяп*, *зазнайство* < *зазнайка*, *петуши́ться* < *петух* перен. – о задиристом человеке мужского пола), либо образного переосмысления основы при словообразовательной деривации (например: *мальчишество* < *мальчишка*, *ребячество* < *ребенок*: неодушевленные существительные обозначают поведение взрослого человека, не соответствующее социальному стереотипу и поэтому вызывающее неодобрение со стороны окружающих). Эксплицитная экспрессивность свойственна именам существительным с конкретным (предметным) значением, имплицитная (скрытая) – в большей степени – неодушевленным существительным, прилагательным, глаголам, наречиям.

Таким образом, правомерно выделение *формальных признаков экспрессивности* (фонетических и словообразовательных средств) и *неформальных показателей экспрессивности* (метафоризация как способ семантической и словообразовательной деривации, порождающей экспрессивность). Арсенал формальных средств выражения экспрессивности довольно широкий. Что касается тропеических свойств экспрессивных слов, то сфера их изучения – лингвостилистика.

Итак, интенсивность, эмотивность и эмотивная оценка, в нашем понимании, относятся к коннотативной части ЛЗ слов. В речевых актах коннотация может «выдвигаться» на первый план, «смещая» денотативно-сигнификативное содержание на периферию, поскольку коммуникативная значимость ЭЛЕ определяется не столько необходимостью *назвать* предмет, явление, действие, сколько интенцией *выразить* субъективное отношение к нему, «выплеснуть» эмоции, чувства. Однако подходить с одной и той же меркой ко всему фонду ЭЛЕ определенного дискурса нет оснований. Как говорилось в начале статьи, ЭЛЕ различаются характером денотативно-сигнификативного содержания: одни более «насыщены» им, другие менее, третьи денотативно «пусты» (соответствующие примеры приводились выше).

Образность – Это онтологическое свойство ЛЕ, детерминированное их способно-

стью выразить в той или иной внешней форме психический образ. Следовательно, образность как языковая категория есть производное от понимания образа. Если рассматривать образную номинацию в аспекте ее порождения, то образ предстает как результат когнитивной деятельности нашего сознания, переработки наших знаний о мире и, соответственно, как структура, хранящаяся в ментальном пространстве носителей русского языка и сохраняющая определенное знание о мире, национально-культурную специфику. Как известно, когнитивным механизмом порождения образов являются метафоры. Образ – целостное представление (в различной степени конкретное, наглядное, картинное, красочное, яркое, «живое», оригинальное, парадоксальное) о некотором предмете, явлении, которое бессознательно или осознанно возникает в сознании носителей данной культуры и данного языка путем его соотнесения с представлением о другом предмете, явлении, уже существующем в коллективном и / или индивидуальном сознании и речевой практике говорящих на данном языке. *Языковой (словесный) образ* – это вербализованный тем или иным языковым средством определенный психический образ. По В. Гумбольдту, слово возникает на основе чувственного восприятия предметов; «оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе» [1984. С. 80]. В качестве синонима термина *словесный образ* употребляется термин *слово-образ*.

Как отмечалось выше, образность не есть свойство только ЭЛЕ, оно присуще и ЛЕ с номинативной функцией (номинативам), поскольку психические образы являются результатом действия общего ассоциативного механизма, например: *колокольчик, незабудка, подснежник* – образные номинации растений, *дымокур, пылесос, самосвал, крестовина* – образные номинации конкретных предметов. В таких номинациях образы служат для отражения предметов объективной действительности. Образы ЭЛЕ выполняют функции отражения реальных, дифференциации похожих, близких реальных, процессов (ср. члены синонимических рядов: *удивить, поразить, огорошить, ошеломить*; в диалектном дискурсе: *бурлачить, волдырничать, вкалывать, горбатиться, ишачить, кажиться, мозолиться, пла-*

статься ‘выполнять тяжелую физическую работу постоянно, всю жизнь, теряя здоровье’) и выражения субъективного отношения, оценки предмета речи. Однако образы, лежащие в основе номинативов, тоже не лишены субъективного момента, с ними могут ассоциироваться приятные или неприятные восприятия говорящими соответствующих предметов, ср.: образы ‘колокольчик’, ‘незабудка’, ‘подснежник’ вызывают приятные ассоциации, образы ‘дымокур’, ‘пылесос’, ‘самосвал’, ‘крестовина’ передают нейтральные ассоциации. Как отмечает В. Дорошевский, «слова светятся отраженным светом вещей» [1973. С. 109].

Для разграничения двух разновидностей образных слов могут использоваться следующие критерии.

- *Номинативы*: 1) основаны на *простых* представлениях нашей памяти, иначе говоря, *внутренней форме слова*; 2) служат репрезентантами психических образов и замещают предметы действительности в актах коммуникации; 3) выполняют номинативную и классифицирующую функции; 4) сами по себе, как элементы системы, не являются выразительными средствами.

- *Экспрессивы*: 1) основаны на *креативных*, более *сложных* и очень сложных, подчас парадоксальных представлениях нашего воображения, фантазии; 2) служат не столько средством репрезентации психических образов, сколько целью выражения субъективного отношения к отражаемым в них предметам, явлениям; 3) выполняют различные экспрессивные функции; 4) являются выразительными средствами языка (более подробно представление о простых и сложных образах изложено в: [Лукиянова, 2004]).

Метафора как языковой феномен может быть семантической и словообразовательной, грамматической, синтаксической. В экспрессивном лексическом фонде преобладают семантические и словообразовательные номинации-метафоры. По нашим наблюдениям, в литературно-художественной речи в большей степени реализуется механизм семантической метафоры (перенос наименования по типу «сфера-источник» > «сфера-мишень»), в литературно-разговорном и диалектном дискурсах – механизм словообразовательной метафоры. Но эти наблюдения требуют дополнительной проверки.

В нашей интерпретации, в структуре ЛЗ ЭЛЕ образ является тем фундаментом, который «несет на себе» всю гетерогенную «надстройку» – и денотативно-сигнификативное, и коннотативное содержание. Поэтому образность не есть сема ЛЗ, как интенсивность, эмотивность и эмотивная оценка, она суть «плотное», целостное, неделимое содержание. В связи с этим целесообразно разграничивать термины *семантический компонент* (или *компонент лексического значения слова*), то же, что *содержание*, и *сема*. Семантический компонент (содержание) более крупное «образование» ЛЗ слова, которое членится на более «мелкие» части – семы. В ЛЗ слова, таким образом, можно выделить денотативный (денотативно-сигнификативный) компонент, коннотативный компонент (коннотацию) и образность как самостоятельный компонент, как говорилось выше, связанный с денотативным и коннотативным компонентами. Денотативный и коннотативный компоненты членятся на семы, образность – целостный компонент, не членимый на семы.

Возвращаясь к вышеприведенным примерам, представим структуру ЛЗ одного экспрессивного слова.

Загребастал сразу две квартиры, для себя и для дочери, а люди остались без квартир (разг. речь). Денотативно-сигнификативное содержание ситуативно, в данном случае: 'некто (в контексте: какой-то начальник или чиновник) + получил (нечто, в контексте: две квартиры) + используя свое положение в данном учреждении' (известно из пресуппозиции, т. е. внешнего контекста); коннотативный компонент включает семы: 'интенсивность' (гиперболизация действия) – 'сверх меры как результат нарушения социальной нормы (одному человеку не полагается получать две квартиры сразу)' + 'эмотивная оценка' – 'резко негативная нормативная и морально-этическая оценка поведения начальника / чиновника со стороны говорящего' + компонент 'образность' – содержание в целом воплощено в семантику ЛЕ через образ приобщения предмета 'как бы загрести что-либо к себе граблями'. Хотя в сознании обычных носителей языка уже утратилась связь современного представления 'брать чужое, не заработанное тобой' с первичным, прототипическим, образом.

Вряд ли правомерно считать коннотативное содержание дополнительным по отношению к денотативному: коннотация и образность столь же коммуникативно значимы, как и денотация, и даже, можно утверждать, более значимы в коммуникативных ситуациях. Ведь неслучайно язык предоставляет говорящим выбор (иногда довольно большой) средств (слов-синонимов, устойчивых словосочетаний, пословиц, поговорок, выражений, предложений) для выражения субъективного отношения к предмету речи. Например, значение 'выполнять какую-либо работу по хозяйству очень медленно, вяло, неторопливо, часто безрезультатно' выражают разговорные и просторечные глаголы: *валандаться, волокититься, ковыряться, канителиться, копаться, пурхаться, чесаться, чикаться*; диалектные глаголы *бўзгаться, барáхаться, буру́хаться, во́шкаться, долби́ться, коря́читься, пы́шкаться, шабуши́ться, шерыхаться, шйшлиться, юзгаться*. Различия в их семантике не столько связаны с денотативно-сигнификативным содержанием, сколько с теми образами (некоторые уже затемнены или стерты), которые репрезентируются этими глаголами.

Экспрессивному лексическому фонду разговорных дискурсов свойственна широкая синонимия. Так, смысл 'поступить недобросовестно, нечестно по отношению к кому-н., обидев его, оскорбив, причинив ему материальный ущерб и т. д.' репрезентируют номинативный глагол *обмануть* и целый ряд экспрессивных глаголов и фразеологических единиц: *обвести вокруг пальца, надуть, обдуть, обдурить, одурачить, обжулить, околпачить, окрутить, облапошить, обмишулить / обмишурить, оболванить, объегорить, обстрипать (дельце), обтяпать (дело), провести*. Ср. также: 'не выполнить обещание, поручение и т. п.': *отказаться, отбояриться, отбрыкаться, отвертеться, отговориться, отбредаться, отгородиться, отделаться*; в диалектном дискурсе значение 'выполнить какую-л. работу плохо, кое-как, не прилагая особых усилий, испортить ее результат' выражают глаголы *наколбасить, надерьму́жить, накулемéсить, нахомутля́ть, изнахрáтить*; 'непослушный ребенок (обычно мальчик)': *нёслух, враждóнок, пáкостник*.

В ЭЛЕ отражаются национально-культурные реалии и представления о действи-

тельности, ментальность русского, ЭЛЕ, как и фразеологические единицы, национально-культурно специфичны. Но это уже другой аспект изучения экспрессивной лексики, связанный с когнитивными источниками образов ЭЛЕ (частично он освещен в: [Лукьянова, 2003]).

Стилистическая маркированность ЭЛЕ. ЭЛЕ стилистически маркированы, данное свойство также детерминировано их семантикой. Но оно не входит в их ЛЗ, а является функциональным по своей сути. Разговорные дискурсы – преимущественная сфера употребления стилистически сниженных экспрессивов.

Заключение

Мы рассмотрели одну сторону экспрессивности как категории лексической семантики (семасиологии и ономасиологии), определив ее как семантическую. Различные комбинации коннотативных сем и образности в сочетании со стилистической окраской ЛЕ создают «эффект выразительности» (Ш. Балли) в речевых актах. Как отмечалось выше, выразительность обычно связывается с усилением впечатления от сказанного, лучшим донесением информации о внеязыковом факте, ситуации, воздействием на адресата. И здесь мы выходим в область прагматики, т. е. функционирования ЭЛЕ, обусловленного внеязыковыми факторами: направленностью речевого акта на действительность, целеустановкой говорящего / пишущего, его интенциями, отношениями между говорящими в устной коммуникации, эмоционально-психическим состоянием говорящего, конкретной ситуацией общения. Все это относится к феномену внешнего контекста, детерминирующего актуализацию ЭЛЕ в коммуникативных процессах. Прагматическая направленность ЭЛЕ – это вторая сторона категории экспрессивности. Такое двуединство семантики и прагматики ЭЛЕ дает основание определить экспрессивность лексики как семантико-функциональную (или функционально-семантическую) категорию.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт: Моногр. М.: Наука, 1988.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Балли Ш. Французская стилистика: Моногр.; пер. с фр. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2001.

Васильев Л. М. «Стилистическое значение», экспрессивность и эмоциональность как категории семантики // Проблемы функционирования языка и специфика речевых разновидностей: Сб. ст. Пермь, 1985. С. 3–9.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики: Моногр. М., 1973.

Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // Вопр. языкознания. 1955. № 3.

Ларин Б. А. О разновидности художественной речи. (Семантические этюды) // Б. А. Ларин. Эстетика слова и язык писателя: Избр. ст. Л., 1974.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики: Моногр. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986.

Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 169–186.

Лукьянова Н. А. Слова с простыми и сложными образами // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2004. Т. 3, вып. 1: Филология. С. 15–25.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигмах современной русистики // Ars philologica: рассуждения о языке и тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е. П. Таргонской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008а. С. 5–33.

Лукьянова Н. А. Функции экспрессивных лексических единиц // Труды по когнитивной лингвистике: Сб. науч. ст. / Под. ред. М. В. Пименовой. Кемерово: КемГУ, 2008б. Вып. 10. С. 55–66.

Лукьянова Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 211–215.

Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986.

Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003.

Скляревская Г. Н. Категория оценки: основные понятия, термины, функции (на ма-

териале русского языка) / G. N. Skljarevskaja // Оценка в современном русском языке: Сб. ст. / Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1997. Т. 14. S. 165–184.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: Моногр. М.: Наука, 1986.

Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: Коллект. моногр. / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович, И. И. Сандомирская, О. В. Латина, Н. А. Лукьянова, В. А. Маслова; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991а. С. 36–66.

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности: Коллект. моногр. / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович, И. И. Сандомирская, О. В. Латина, Н. А. Лукьянова, В. А. Маслова; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991б. С. 8–35.

Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков: Моногр. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Черемисина М. И. Творительный падеж как средство формирования образа // Грамматика русского языка. Иркутск, 1972. Вып. 1. С. 72–92.

Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 3–11.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Лексико-семантическая группа «живое существо» в современном русском и современном французском языках // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. лингв. конф. Новосибирск: НГУ, 1969. С. 210–228.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Названия животных в составе сравнений // Вопросы языка и литературы: Сб. ст. Новосибирск: НГУ, 1970. Вып. 4. Ч. 1. С. 253–266.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь пре-

подавателям иностранных языков: Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1972. С. 42–59.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Использование определений для выявления семантики зоохарактеристик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1974. Вып. 3. С. 82–94.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Содержание образа «лошадь» («cheval») в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков: Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1975. С. 56–70.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып. 5. С. 21–41.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Зооморфизмы в русско-французском словаре К. А. Ганшиной // В помощь преподавателям иностранных языков: Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1977. С. 45–55.

Черемисина М. И., Гутман Е. А., Литвин Ф. А. О методике сопоставительного анализа зооморфизмов // Актуальные проблемы лексикологии: Сб. ст. Новосибирск, 1974.

Черемисина М. И., Захарова А. В. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 69–73.

Черемисина М. И., Литвин Ф. А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского, французского языков) // Социолингвистические исследования. М., 1974.

Черемисина М. И., Лукьянова Н. А. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1986. С. 265–268.

Черемисина М. И., Рыжкина О. А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. Вып. 6. С. 3–24.

Черемисина М. И., Сонна Н. А. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразова-

ния: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 55–68.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Мо-

ногр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Моногр. М.: Гнозис, 2008.

Материал поступил в редколлегию 12.01.2015

N. A. Lukjanova

EXPRESSIVE COLLOQUIAL LEXIS IN SEMANTIC ASPECT

The article offers a look at two sides of expressiveness as a category of lexical semantic (semasiology and onomasiology) – semantic and pragmatic. Such unity of semantics and pragmatics of expressive language units (ELU) gives reason to define lexical expressiveness as a semantic-functional (or functional-semantic) category. Debatable aspects of expressiveness as a lexicological category are discussed, semantic basis for expressiveness of lexical units is defined, and definitions of terms used to describe ‘expressive’ objects are improved. Intensity, emotiveness and emotive evaluation are related to the connotative part of a lexical meaning. Formal and informal features of expressiveness are determined. Imagery is viewed as an independent, whole, inseparable element of a lexical meaning equally connected with connotative and denotative-significative content of an ELU. Criteria of separation of expressive and nominative imagery are offered.

Keywords: lexis, expressiveness, nominativeness, imagery, intensity, evaluation, expressive lexical unit, expressive lexical meaning, expressive lexical corpus, expressive subsystem of a language, expressive context, expressive discourse, expressive function, stylistic markedness.